

*Посвящаю книгу моей нинзя (агенту) Джоди Ример.
Спасибо, что не дала мне сорваться*

Отдельное спасибо моей музе — моей любимой группе, которая так кстати называется «Muse», за то, что вдохновили меня на создание целой саги

КНИГА ПЕРВАЯ

БЕЛЛА

Детство — это не с рождения до зрелости.

Вырастет ребенок и оставит детские забавы.

Детство — это королевство, где никто не умирает.

Эгна Сент-Винсент Миллей

Пролог

Сколько раз я уже бывала на волосок от смерти, и все равно привыкнуть невозможно.

Новая встреча со смертью кажется неизбежной. Я как будто притягиваю катастрофы. Вновь и вновь ускользаю, но беда следует за мной по пятам.

Однако в этот раз все по-другому.

Можно убежать от того, кого боишься; можно вступить в бой с тем, кого ненавидишь. От таких убийц — чудовищ, врагов — я научилась обороняться.

Иное дело — умереть от руки любимого. Зачем бежать и сражаться, тем самым причиняя ему боль? Если жизнь — единственное, что ты можешь ему подарить, разве стоит цепляться за нее?

Если любишь всем сердцем?

Глава 1

ОБРУЧЕННЫЕ

«Никто на тебя не смотрит, — твердила я. — Никто не смотрит. Никто».

Сейчас проверим. Мне ведь даже саму себя не обмануть.

Стоя на светофоре (одном из трех на весь городок), я украдкой скосила глаза вправо — миссис Вебер за рулем минивэна повернулась ко мне всем телом. Так и буравит взглядом. Я отшатнулась, недоумевая, как это ей хватает наглости. Что, бесцеремонно пялиться уже вошло в правила приличия? Или правила приличия на меня больше не распространяются?

Тут я вспомнила про затемненные стекла. Да сквозь них, наверное, вообще не видно, кто внутри и в каком он «восторге» от беспардонности. И вовсе не меня она с таким интересом разглядывает, а машину.

Мою машину. Ох...

Я посмотрела налево и застонала. Двое пешеходов, вместо того чтобы перейти на зеленый, застыли на тротуаре. За их спинами прилип к витрине своего сувенирного магазинчика мистер Маршалл. Только что носом к стеклу не прижимается. Пока.

Все, зеленый! Спеша поскорее скрыться, я по привычке утопила в пол педаль газа — старенький пикап на меньшее не отзывался.

Машина утробно зарычала, как барс перед прыжком, и дернулась так резко, что меня вдавило в кожаную спинку сиденья, а желудок прилип к позвоночнику.

Ахнув, я поспешно нашарила тормоз. На этот раз я едва коснулась педали, но машина все равно замерла как вкопанная.

Страшно было даже оглянуться по сторонам. Если раньше еще оставались какие-то сомнения, теперь уж точно все догадались, кто сидит за рулем машины.

Кончиком носка я прижала педаль газа буквально на миллиметр, и машина снова рванула вперед.

Наконец-то добралась до заправки! Не будь бензобак на нуле, я бы вообще в город не заезжала. Я уже без стольких вещей научилась обходиться — шоколадные подушечки, шнурки для ботинок, — лишь бы не показываться на люди.

Я спешила, как на гонках, — ключ в замок, крышку бензобака долой, карточку через сканер, «пистолет» в бак — все в считанные секунды. Жаль, нельзя заставить цифры на счетчике ползти быстрее. Они щелкали размеренно, неторопливо, будто назло.

На улице было пасмурно — обычный для Форкса, штат Вашингтон, дождливый день, но я никак не могла отделаться от ощущения, что хожу в луче прожектора, высвечивающего тоненькое колечко у меня на левой руке. Чувствуя спиной любопытные взгляды, я каждый раз воображала, будто оно мигает неоновым светом, вопя: «Смотрите, смотрите!»

Знаю, глупо так переживать. Какое мне дело, как воспримут остальные — не мама с папой — мою помолвку? Новую машину? Неожиданное поступление в университет Лиги плюща*? Блестящую черную кредитку, которая жжет мне задний карман?

— Вот именно! Какое мне дело? — пробормотала я вполголоса.

---

* Ассоциация из восьми самых престижных американских университетов. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Э-э, мисс? — раздался над ухом мужской голос.

Я обернулась — и тут же об этом пожалела.

У навороченного внедорожника с новехонькими каяками на крыше стояли два молодых человека. На меня они даже не взглянули, не в силах отвести глаз от автомобиля.

Не понимаю. С другой стороны, я хорошо если отличу значок «тойоты» от «форда» или «шевроле». Блестящая, черная, изящная красавица — моя новая машина для меня была просто машиной.

— Извините за любопытство, не подскажете, что у вас за автомобиль? — спросил тот, что повыше.

— «Мерседес». Да?

— Да, — вежливо подтвердил спрашивавший. Его невысокий приятель с досадой закатил глаза. — Вижу, что «мерседес». Я имел в виду... У вас на самом деле «мерседес-гардиан»? — В его голосе слышалось благоговение. Похоже, они нашли бы общий язык с Эдвардом Калленом, моим... э-э... женихом (к чему отрицать очевидное, если до свадьбы считающиеся дни?). — Их ведь даже в Европе еще нет? — продолжал молодой человек. — А уж тут...

Пока он ощупывал машину взглядом (по мне, так совершенно обычный «мерседес», но я в этих вопросах полный «чайник»), у меня снова замелькали мысли, связанные со словами «жених», «свадьба», «муж» и т. п.

В голове не укладывается.

Во-первых, в силу воспитания от одной мысли о пышных платьях-тортах и свадебных букетах меня должно передергивать. Но самое главное, такое скучное, степенное, обыденное понятие, как «муж», просто не вяжется с моим представлением об Эдварде. Все равно что принимать архангела работать бухгалтером. Просто не представляю его в подобной заурядной роли.

Как обычно, стоило мне подумать об Эдварде, и голова закружилась от фантазий. Молодому человеку пришлось кашлянуть, чтобы привлечь мое внимание, — он все еще дождался ответа про марку и модель машины.

— Не знаю, — честно призналась я.

— А можно мне с ней сфотографироваться?

Я не сразу поняла, о чем он.

— Сфотографироваться? С машиной?

— Ну да. Мне ведь иначе не поверят.

— Э-э. Хорошо. Пожалуйста.

Я поспешно вытащила «пистолет» и притаилась на переднем сиденье, дожидаясь, пока этот фанат выудит из рюкзака огромный профессиональный фотик. Сперва они с другом по очереди позировали у капота, потом переместились к багажнику.

— Пикапчик, мне тебя не хватает... — проскулила я.

Какое совпадение (подозрительное, я бы сказала), что мой старичок испустил дух через считанные недели после нашего с Эдвардом необычного уговора. Ведь одним из условий Эдвард поставил разрешение подарить мне новую машину, когда старой придет конец. А пикап, видите ли, и так дышал на ладан — мол, прожил долгую насыщенную жизнь и умер своей смертью, клятвенно уверял меня Эдвард. И разумеется, я никак не могла ни подловить его на лжи, ни воскресить пикап из мертвых своими силами. Мой любимый механик...

Я оборвала мысль, не дав себе додумать до конца. Вместо этого прислушалась к доносившимся снаружи приглушенным голосам.

— ...на видео жгли огнеметом, и хоть бы что! Даже краска пузырями не пошла!

— Еще бы! Ее под танк можно. Кому ее здесь покупать? Вот ближневосточным дипломатам, торговцам оружием и наркобаронам — в самый раз, для них и делалась.

— Думаешь, эта, за рулем — важная персона? — вполголоса усомнился тот, что пониже. Я резко опустила голову, пытаясь скрыть пылающие щеки.

— Хм-м... — Высокий пожал плечами. — Кто ее знает. Ракетонепробиваемое стекло и восемнадцать тонн брони — в наших-то краях — зачем бы? Наверняка едет куда-то, где есть чего опасаться.

Броня. Восемнадцать тонн брони. Ракетонепробиваемое стекло? Миленько. Пуленепробиваемое, значит, уже не копируется?

Теперь все понятно. По крайней мере человеку с извращенным чувством юмора.

Нет, я догадывалась, что Эдвард воспользуется нашим уговором и перетянет одеяло на себя, чтобы отдать гораздо больше, чем получить. Я согласилась на замену пикапа — когда тот уже не сможет мне служить, — разумеется, никак не ожидая, что это случится так скоро. Признавая суровую правду — мой пикап превратился в вечный памятник классике «шевроле», я понимала, что скромностью замена скорее всего отличаться не будет. Что она будет притягивать взгляды и вызывать перешептывания. Я угадала. Однако мне даже в страшном сне не могло присниться, что машин будет подарено две.

Одна «до» и одна «после», как объяснил Эдвард, когда я запротестовала.

Это всего лишь та, которая «до». Получена в прокате, и после свадьбы вернется обратно. Я никак не могла взять в толк, зачем такие сложности. Теперь поняла.

Ха-ха, как смешно! Я ведь такая по-человечески хрупкая, притягиваю опасности, вечно становлюсь жертвой своего собственного невезения — разумеется, только противотанковая броня сможет хоть как-то меня обезопасить. Ухохотаться! Представляю, как он с братьями валялся от смеха, пока я не видела.

«А вдруг — представь на секундочку, дурашка, — зашептал робкий голосок, — это вовсе не шутка? И он действительно за тебя беспокоится? Ведь уже не первый раз он, защищая тебя, слегка перегибает палку».

Я вздохнула.

Машину, предназначенную на «после», я еще не видела. Она скрывалась под тентом в самом дальнем углу калленовского гаража. Многие, знаю, не выдержали бы и глянули одним глазком под тент, но мне просто не хотелось.

Брони там наверняка не будет — после медового месяца она мне уже не понадобится. В числе прочих бонусов меня ждет и неуязвимость. Прелести принадлежности к Калленам не ограничиваются дорогими автомобилями и впечатляющими кредитками.

— Эй! — позвал высокий, приставив ладони к стеклу, чтобы лучше видеть. — Мы уже все! Спасибо!

— Не за что! — ответила я и, внутренне сжавшись, потихоньку — осторожно! — нажала на газ...

Сколько раз я ездила по этой дороге до дома, и все равно упорно лезут в глаза вылинявшие от дождя объявления. На каждом телеграфном столбе, на каждом указателе — бьют наотмашь, как пощечины. Заслуженные пощечины. Моментально всплыла та самая мысль, которую я резко оборвала на заправке. На этой дороге от нее не отделаешься. Как отделаться, когда лицо моего любимого механика возникает перед глазами снова и снова, через равные промежутки?

Мой лучший друг. Мой Джейкоб.

Это не его отец придумал расклеить повсюду объявления, вопящие: «Вы видели этого мальчика?» Это мой папа, Чарли, напечатал постеры и наводнил ими город. Причем не только Форкс, но и Порт-Анджелес, Секвим, Хоквиам, Абердин — весь Олимпийский полуостров. Заодно позаботился, чтобы такое же объявление висело в каждом полицейском участке штата Вашингтон. В его собственном участке под поиски Джейкоба отвели целый пробковый стенд, который, к великому папиному огорчению и неудовольствию, все равно пустовал.

Огорчение, впрочем, ему доставлял не только пустой стенд. Гораздо больше папу расстраивало поведение Билли — папиного лучшего друга, отца пропавшего Джейкоба.

Почему он не принимает более активного участия в розысках шестнадцатилетнего «беглеца»? Почему отказывается вешать объявления в Ла-Пуш, резервации, где жил Джейкоб? Почему смирился с исчезновением, как будто ничего и сделать-то не может? Почему твердит: «Джейкоб уже взрослый. Захочет — сам вернется»?

Я его тоже расстраиваю. Потому что я на стороне Билли.

Я не вижу смысла клеить объявления. Мы с Билли в курсе, куда, так сказать, делся Джейкоб, и прекрасно знаем, что «мальчиком» его точно никто не видел.